

Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России, лауреат премии имени святого благоверного князя Александра Невского, лауреат премии им. И.А. Гончарова.

ТАРБАГАТАЙ

Страницы романа

Глава 3

Главная потеря

Тарбагатай. 1912 год

Селенгинская долина завораживает своей неброской красотой. Весной она долго спит – до тех пор, пока к ней с высот горных острогов не спустятся ангелы, чтобы вернуть дар речи чистым родникам и горным утёсам, каменистым предгорьям и солончаковой степи. И тогда Селенгинская долина просыпается и с великой радостью славит Творца.

В начале лета краски богаче, ветры нежнее, музыка ветров крылата, а песни тарбаганов веселы и задиристы. Травяным пьянящим духом перенасыщен воздух. Чабрец, богородичная трава, дикий лук, солодка – от густой пряной смеси кружится голова, и так хочется жить, любить и верить, что эта богатая земля никогда тебя не обманет.

Как только забайкальское солнце наберёт силу и, как кипящий самовар, раздует пузо, травы пожелтеют, запахи поблекнут, разморённые жарой тарбаганы смолкнут. Лишь ворчливые кузнечики продолжают устало стрекотать и что-то доказывать друг другу.

Зато осенью начинается настоящая цыганщина. В разгульной пляске озорная осень смеётся всей ширью неба над прыгающими по степи снопами перекати-поля, а пунцовый от любви боярышник жмётся к рябине, стыдливо скрывающей пожар сердца.

Рано или поздно любому празднику приходит конец. Мудрая ясность неба напоминает о приближении стужи. И вот уже богатый сарафан Селенги скован толстым льдом, как и рукава её рубахи – реки Тарбагатайка и Куйтунка, разметавшиеся по слободе. Но, даже зажатая со всех сторон снегами и ветрами, Селенга дышит полной грудью. Красуется своей мощью, размахом крыльев и всевластием покоя.

Зимнее солнце яркое, но трусливое: поутру выпянет, оглядится, сыграет в снежки и поспешит за горизонт, в неведомую страну теней, оставляя каменных идолов сторожить древние курганы Селенгинской долины.

Подъезжая к слободе после долгого отсутствия, Ларион в волнении натянул вожжи и тихо скомандовал лошади: тпр-ру. Рыжая перешла с рыси на шаг неохотно: видела, что дом совсем рядом, рвалась в родное стойло.

Всю упряжь, включая седло и потник, Ларьке подарили буряты – Рыжая пришла к ним голой, каким-то чудом довезла больного хозяина до улуса. Телега осталась на Щучьем озере.

Парень с ужасом подумал, что открытый разговор с дедом о бурятах неизбежен.

Вот и Тарбагатай. Центральная улица протянулась на несколько вёрст. От волнения сердце Ларьки учащённо забилося. Он любил свою слободу. Впер-

вые этим летом расстался с ней на такой большой срок.

Разросся Тарбагатай за последние годы, более полутысячи дворов отстроил, расплодил жителей: если с младенцами считать, около семи тысяч наберётся. Всем хлебушка подавай. Старосты неоднократно к властям обращались с жалобой на недостаток земли. Семейские старообрядцы – их в слободе большинство – землю любят, работать умеют. Сколько ни дай им земли, всё поднимут и вспашут. Для этого надобно миллионы камней из землицы вынуть и новые горы сложить. Так и делалось веками.

Проезжая мимо церкви Николы Чудотворца, Ларька незаметно перекрестился. Она единоверческая, сюда семейским путём заказан. Дед называет эту церковь обманкой и ворчит, когда о ней заходит речь: «Придумали единоверие. Что тако, не знамо. Обманка...»

Есть в Тарбагатае ещё один храм: Зосимо-Савватиевский. Он совсем старый, деревянный, но крестятся здесь по-новому и службу ведут короткую, позорную, как говорит дед. Но что-то тянуло сюда Ларьку, и он, будучи мальчишкой, иногда проникал тайком в церковный двор и во время службы заглядывал в щелочку храмовых дверей: что там происходит? Кто-то из семейских увидел его однажды на крыльце храма, доложил деду. Старик оттащил внука за ухо, а потом посадил перед собой на лавку и, глядя в глаза, начал объяснять, почему им закрыт путь в церковь.

– Было благодатное время, когда наши предки в русских церквях молились. Да не в таких, как Зосимо-Савватиевская, а в Москве-граде. Прадед говорил, там лепота сказочная, иконы сияют, золото глаза слепит.

– Где ж та Москва, деда? – мальчонка рот открыл.

– Далече, сыне, далече... – Иван Игнатьевич махнул рукой, показывая, что увидеть Москву невозможно.

– Неужто дальше луны?

Как ни просил Ларька деда, тот про Москву больше не сказывал, потому что сам ничего не знал о сказочном граде. Но часто повторял, что ушла благодать из церквей и потому нельзя участвовать в литургии, иначе осквернишься.

Однажды внук снова, уже по собственной воле, завёл разговор о церкви:

– Скажи, деда, зачем сибиряки из чаши напиток пьют?

– Это причастие – к крови и телу Христову. Раньше, давным-давно, из чаши благодать получали, а потом потеряли, когда раскол случился. Одно нам осталось – духовную благодать через молитву стяжать, потому и молимся долгими часами.

– Выходит, нельзя к чаше прикасаться?

– Молись, сыне. Придёт время, и мы к чаше приложимся. Хфеофан Хфедотов твердит, не пере-

велись на Руси истинные епископы, скоро к нам пожалуют.

И снова дед пугал внука, в ярких красках рисовал, что ждёт осквернившихся людей в аду. С тех пор мальчишка в церковь не заглядывал, ходил с дедом в молельню, где на клиросе читал уставщик. Но пришло время, и Ларька с дедом причастились.

Братья Федотовы – Абросим и Илья, их отец Феофан и дядья решили поставить часовенку прямо на своей земле, в огороде на Шелухановой улице. Они призвали семейских подсобить и выделить два-три бревна с каждого двора. Поначалу дед Иван Игнатьевич это дело не поддержал:

– Нет свою древлеправославного священника – кака церковь? Кто литургию служить будет?

Но брёвна выделил. Часовню Федотовы поставили, а через год на Страстную неделю Абросим поехал в Новониколаевск и к Пасхе привёз священника, рукоположенного по старому уставу митрополитом Белокриницким. Неделю гостил священник в Тарбагатае и совершил сотни духовных треб. Все Чебунины на исповедь и причастие пришли, в том числе и дед Иван. Ларька тогда впервые в жизни причастился.

После отъезда духовника в часовне служили сами братья Федотовы – Илья и Абросим. Даже беспоповцы в их церковь хаживали. Семье Федотовых – почёт и уважение. В праздничные дни их часовня всегда была переполнена, а новенький каменный храм Николы Чудотворца стоял пустой.

Сейчас Ларька поймал себя на непреодолимом желании войти в Никольский храм. Он спрыгнул с кобылы, но вместо того чтобы привязать её к воротам, обнял морду Рыжей и уткнулся носом в её огромный всевидящий глаз. Она вытянула губу, подняла ухо – Ларька почувствовал, как учащённо забилося её сердце.

В этот момент парня окликнул знакомый голос. Подбежал Мишка Елизаров – тоже из семейских, вместе росли, в лапту играли. Ларька его не сразу узнал: за одно лето вырос, возмужал, челюсть обросла молодым пролеском. Друзья поздоровались, обнялись.

– Ты почём без шапки? – Мишка хитро прищурился. – Али снял, чтоб в единоверческом храме помолиться?

Ларька растерялся, нахмурился.

– Ладно, я так, шуткую. Говорят, ты заимку взял в Тохое? – спросил Елизаров.

– Стало быть, не брешут. Взял. – Ларька попытался улыбнуться. Он устыдился того, что товарищ застал его в минуту слабости, у церкви. – Зимовать домой приехал, – пояснил он.

– Это хорошо, что приехал. – Мишка не скрывал своей радости по поводу встречи. – А то не попрощался, тайно убёг. Я даже усомнился в нашей дружбе.

– Чиво зря брехать – не люблю пустомелить.

Неожиданно заржала Рыжая. Хозяин недовольно обернулся. Лошадь напрягла шею и задрала вверх голову, показывая своё нетерпение: она рвалась домой. Ларька потрепал её по загривку.

– Одному Богу известно, что из моей затеи выйдет.

– Это так... – Мишка похлопал себя по ляжкам – он так часто делал, то ли ободряя себя, то ли со-

гревая. Видно было, что его распирало от каких-то новостей.

– Ну сказывай, что тута деелось... Какая жисть.

– Дык всяко живём, а хлебушек свой жуём. Тятка твой объявился.

– Отец приехал? – Парень сам не понял, обрадовался он этой новости или испугался.

– Картинно приехал, на всю слободу ославился. В каждой избе до сих пор судачат.

– Что такое? – У Ларьки лицо посерело.

– С полсотни бутылей вина купил, связал верёвкой и таскал по улицам, раздавая направо и налево – угощал, значит, пьющих. Бабы говорят: с ума стужился, на приисках диаволу душу продал за золото. Другие завидуют: денег полно – раздул кадила.

Чтобы скрыть чувства, Ларька снова отвернулся к кобыле, погладил Рыжую по шее, потянулся к сбруе. Мишка подумал, что он собрался домой, и поспешил сообщить главную новость.

– Ну а Михайло Карпович, как прознал про Иону, так и огласил, что родница с вами не будет, Дарью за Петьку Ефимова отдаст.

– Всё сказал? – Коршуном глянул Ларька на друга. Острые скулы обозначились резче, лицо вытянулось прямоугольником, сделалось некрасивым. – Домой поскачу. Можа и мне от Ионы кака бутылка осталась.

Он понужил лошадь и рванул к дому.

– Ларька, постой, погоди! Я ведь не со зла – предупредить тебя хотел, – кричал Мишка вслед старой кобыле.

* * *

Выехав на свой порядок домов, Ларька спрыгнул с лошади. От волнения бороду скомкал в кулак и дёрнул. Понял, что перенял глупую дедову привычку рвать на себе бороду, и шлёпнул левой рукой по правой: негоже лишать себя мужицкой красы.

Дом Мишки Елизарова, дальше – Михайловых, следующий – огромный, как храмина, бревенчатый дом Ефимовых. Из-за высоченного забора лишь наполовину выглядывают оконца второго этажа. В детстве Ларька водил дружбу с Елистратом и Григорием, а их старшего брата Петра Ефимова обходил стороной – больно напыщен, словно индюк.

Наконец, дом брательников по матери – Фёдора и Ферапонта Чебуниных. Их отец, тоже Ферапонт, был старшим братом матушки Фени. Нелюдимый, смурной, он с родственниками не общался. С его сыновьями, двоюродными братьями, Ларька дружил, когда мама Феня была жива. В ту пору обе семьи Чебуниных, можно сказать, одним домом жили, но потом отдалились.

Как-то раз внук задал деду вопрос, почему разладились отношения с родичами.

– Да не разладились... Не знаю, что тебе сказать. – Иван Игнатьевич задумался. – Ушла Хфеня – ушла родня. И вообще, Ларька, неча задавать глупые вопросы.

Вот и родная изба. Карнизы окон украшены резьбой – дело рук отца. А разноцветные цветочки на ставнях – память о матери, её художество. В гуще цветов – павлин, по четырём углам ставен – голуби.

Ларька плохо помнил матушку, но в памяти отложился её рассказ о павлинах: есть такие прекрасные птицы, живут они в раю.

– Матушка, родненька, а вы были в рае? Неужто видали чудесных птичек?

Мама Феня погладила сына по голове, грустно сказала:

– Мне вряд ли доведётся в рае побывать – такая радость лишь святым праведникам дана. Они нам, грешным людям, тайны открывают.

– Я, матушка, хочу, чтобы мы с вами вместе туда попали, – Ларька заглянул маме в глаза – они были полны слёз.

Не сбылась детская мечта...

Калитка тоже разрисована матушкой: красный петух будто бы летит над полем.

Ларька переступил порог родного дома и сразу понял: давно не топлено. Глянул под ноги: пол не дощатый, как у тётки в Ганзурине, а посыпан дресвой, потому и стынет быстро. Невольно подумалось: в новом доме полы непременно надобно застлать досками и покрыть вязаными половичками. А Дарьюшка, по примеру матушки Фени, разрисует весёлые ставенки и опечек осанистой русской печи, от которой всегда будет исходить тепло.

Закашлялся дед. Ларьке стало не по себе от собственного тщеславия – он бросился к стылой печке. У топки – ни щепочки дров.

Старик несказанно обрадовался приезду внука. Он так и не вылечился, хвороба его одолела.

– Как же так, деда? Вы пошто себя не берегли? – причитал Ларька, ощупывая холодные кирпичи под стариком. – Неужто некого было позвать – избу вытопить?

– Не бреши, паря, делай дело... – голос у деда был совсем слабый.

Ларька помчался во двор рубить дрова. Наколот охапку, принёс, начал суетливо разводить огонь – от волнения сломал одну спичку, вторую. Выругался.

– Ты чо, Ларька, Бога гневишь? У зверя реветь научился? – простонал дед.

– Каюсь, деда. Не думал я, что вы тут один помигаете.

– Я не один был. Батька твой с приисков вернулся. Наделал шуму в слободе...

Дрова мгновенно схватились огнём.

– Буянил? – спросил внук как можно равнодушно, будто не слышал новость про отца.

– Нету, – отозвался дед, – но купил винища бутылей 30, кажная – по штофу. Связал бутылки верёвкой и таскал энтот груз по улицам. Шум стоял, смех, крик. Кого ни встретит по дороге, хрясть ножом по верёвке – держи, мужик, бутыл!

– Пошто он таку комедь разыграл? – Ларька стиснул зубы. – Решил нас вконец опорочить? Где он?

– Остынь... Сыми меня, – прокряхтел Иван Игнатьевич, – посади у печки. Да брось доху на пол. Кости совсем застыли. И душе неуютно, так и рвётся на волю.

Ларька постелил овчину, усадил деда возле самой топки, сам примостился рядом. Сухое потрескивание дров действовало успокаивающе, он расслабился. И вдруг вспомнил, что в дорожном мешке у него лежит бурятская шапка. Подумал: надо бы её спрятать подальше, но куда? В сундук, где хранятся родовые реликвии? Осквернить самое-самое, чем так дорожит старик? Но дед не столько старьём до-

рожит, сколько внуком. А тот осквернился – далее некуда.

От этих мыслей на душе снова стало погано.

Старик согрелся возле тепла, размяк. Выпил кипятка вприкуску с сахаром и вроде бы ожил. Начал рассказывать, что приключилось с Ларькиным отцом.

Иона покинул прииск неспроста. В апреле на Бодайбо произошла трагедия. Люди не вынесли измывательств начальников и хозяев – восстали против штрафов, поборов, грязи, обмана с выплатами. Во время стачки офицер приказал солдатам открыть огонь по рабочим. Более двухсот человек погибло. Иона получил ранение в левую руку. Сразу же после случившегося рабочие и старатели стали покидать Бодайбо. Тысячи людей бросились на Витим к пристани, чтобы арендовать баржи и лодки. Да разве ж на такую ораву найдётся переправа? Слёзы, крики, паника. А путь по Витиму долгий и опасный – до устья 280 вёрст, а там – Лена, потом – Байкал, наконец – непроходимая тайга.

Иона чудом жив остался. Потому и устроил театр с бутылками. Его раненая рука ещё в пути загноилась, а в Тарбагатае жар свалил с ног. Дед Иван снарядил сани и отправил сына в Верхнеудинск.

– Что ж получается, деда? Вы с тятёй оба хвораете. Что мне делать? Как я вас тут брошу одних?

– Ничо, справимся как-нибудь. Ты-то как? Побоялся зимовать на озере?

Внук долго молчал, не решался признаться в том, что гостевал у бурят. Но делать нечего, правду скрывать нет смысла.

– Горько говорить, деду... Не знаю, как начать, – кое-как выдавил из себя Ларька.

– Ты с конца начни, так вернее будет. – Дед напрягся, попытался подняться с пола, но сил не хватило, и он обмяк.

– С конца – так с конца! – рявкнул Ларька. – Осквернился я. К бурятам попал в юрту и осквернился.

– Как так – осквернился? – Голос глухой, будто не деда Ивана, а чужого старца.

– Без сознания был, захворал шибко. Ел, пил у них...

– Ну... Тагда изыди из избы. Тута, вишь, святые иконы висят... Аль забыл, что сказано в Сказании о священных правилах от учителей церковных? Сколь раз я тебе читал: «Не подобает к еретикам приобщение имети в ядении, в питии, дружбах и любви. Те, кто с еретиками сообщения имеют, – ересь. За то полагаети отчуждение и вечные муки с ними».

– Куда ж мне ийти, деду? Некуда. Зима.

– Бяри каку-либо манатку да иди в сенцы. Или на сеновал. Больше мне сказать нечего.

– Выслушайте хотя бы меня! – Ларька ещё надеялся на снисхождение.

– Слухать нечего. Не тни время, не оскверняй дом. Пожалеть тебя? Считаю, что я пожалел. Но заруби на носу: погибели предшествует гордыня, падению – надменность.

– Говорю же: захворал я! Какая гордыня, какая надменность? Откуда?

– От маловерия! Ты не в Бога веруешь, а в силы свои немереные. Вот откель гордыня. Иди, сыне, не гневи Господа.

* * *

Так Ларька остался без крова. На дворе уже хозяйничал декабрь, а у него, как известно, свои правила поведения. Ночевал изгой в бане: натопит – и ладно. А пищу приходилось готовить в котелке на морозе.

Но не холод волновал парня, а здоровье деда. Пришлось обратиться за помощью к Михаилу Елизарову.

– Упрямый у меня дед, в избу не пускает. Я за яво жисть боюсь – больно он хворый. Зайди в дом, узнай, как он там.

– А чо случилось? Почему не пускает?

– Поссорились мы, – Ларька уклонился от ответа. Мишка вышел от деда хмурый.

– Кажись, помирает Иван Игнатьевич. Сходи к тётке Зинаиде – она травница, отпоит деда отваром.

– Схожу. А ты исть ему занеси, – Ларька подал Михаилу котелок со щами, а сам пошёл к знахарке. Её дом стоял в конце того же порядка.

Зинаида Карповна выслушала парня и занялась приготовлением трав. Пришла быстро. Отпоила деда отварами, прибралась в доме. Вечером, прежде чем уйти к себе, позвала Ларьку – он сидел в летней кухоньке, грелся у очага.

– Иди, дед зовёт...

– Куды?

– На кудыкину гору. К яму иди! – Она перекрестилась двумя перстами. – Чуёт моё сердце, отдаст Иван Игнатьевич ночью свою душу Богу.

Ларька кинулся в дом.

– Деда, я печь затоплю!

– Не надо жара. Теперь уже не надо. Сядь, Илларион, выслушай, что скажу. Я много думал. Есть тако понятие: мёртвое слово. Есть живое слово. Апостол Павел писал коринфянам: «Письмо Христово не чернилами писано, но духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на платяных скрижалях сердца». Буква убивает, а дух животворит. По всему выходит, чего-то недопоняли наши прадеды, когда закон превыше всего поставили. Так тебе завещаю: служи не букве, но духу.

– Понял, понял, деду! – Ларька захлюпал носом, хотя ничего не понял из того, что сказал старик. – Не помирайте, деда, ладно? Не оставляйте меня, Христа ради! Я во всём буду слухаться. Как скажете, так впредь и будет, де-е-ду... – Он уже не просил, а скулил, как побитый и изгнанный из будки пёс.

– Беги... за уставщиком Хфедотом... Шибче беги... – старик говорил с трудом, собирая последние силы. Ларька бросился к двери, напоследок обернулся – дед поманил его рукой, сказал едва слышно. – Никому не говори о бурятах... Никому, слышишь? Пушай энта тайна со мной в могилу уйдёт.

В этот момент дверь открылась. На пороге стоял сам Федот Савельевич.

– Вы, дядя Федот, как здесь? – изумился юноша.

– Знаю я, паря, где мне быть и когда, – недружелюбно отозвался уставщик. – Выйди погуляй... Ну что, брат, – обратился он к Ивану, – исповедуешься перед встречей с Богом?

Ларька видел, как дед улыбнулся в ответ.

Через час Федот Савельевич вышел на крыльцо, позвал парня:

– По исходу души я прочёл... Беги к соседкам,

Прототип героя романа Илларион Чебунин (справа) с орнитологами на Байкале. 1928.
Из семейного архива автора

пушай бабы яво обмоют, а потом садись читать Псалтырь. Надо до завтра все кафизмы прочесть. В полдень схороним.

Ближе к вечеру дед, обряженный в последний путь, лежал на лавке. Его лицо показалось Ларьке живым, улыбка по-прежнему играла на устах. Казалось, старик, запеленатый белым саваном, объят безмятежно-ласковым сном. Уснул, чтобы очнуться в другом, справедливом мире.

Покойно было стоять при свечах около домовины и читать кафизмы. Ларьке казалось, что эти странные песни Давидовы приподняли его над земным миром и приблизили к небесному.

Но сердце-то сокрушено! Судьба обрушилась внезапным, неестественно крупным градом. Как нести тяжкий крест, когда уничтожены душевные посевы и убиты живительные силы?

Остаётся одно: безоговорочно верить Слову.

«Сердце сокрушено и смиренно Бог не унижит...»

Через два часа Ларькины ноги одеревенели. Язык тоже устал, начал заплетаться, коверкать слова. Негоже так читать. Что дед говорил про живое слово и мёртвое? Ларион задумался. Голова как чугунный горшок...

В этот момент в дверь просунулась густая кучерявая борода – в избу вошёл старший сын уставщика – Семён Чебунин, красивый коренастый мужик, у которого было многочисленное семейство: старшие сыновья женились и даже народили детей, а младшие ещё только обучались грамоте. Семён Федотович молча подошёл к Иллариону, обнял его и коротко сказал:

– Садись, отдыхай. – Взял в руки псалтырь и начал читать Трисвятое.

Ларька был рад приходу родственника: он не помнил, когда последний раз Семён Федотович их навещал. Ну вот, значит, не отринет община Ларьку за отцовские грехи. А почему за отцовские? Парень задумался. Он, Ларион, не меньше отца нагрешил, осквернился у бурят.

Глянул внук на мёртвое чело. Нет, не дед лежит на лавке, а восковой слепок с него, а сам Иван Игнатьевич спрятался на печи и выглядывает оттуда, хитренько шурясь по своему обыкновению: что происходит? Того гляди, что-нибудь отчебучит.

Видать, правда, нет смерти – одна обманная